

ДОГОВОР ТОВАРИЩЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ СЕРБСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ПРАВЕ (XII-XV вв.)

В. И. Ермолович

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические и юридические источники позволяют сделать вывод, что хозяйственная деятельность в средневековых сербских и белорусских городах развивалась на основе корпоративных отношений. Важным элементом ее правовой основы являлся договор товарищества. В сербском средневековом праве регламентация данного вида договора базировалась на рецепированных нормах римского права. Так, содержание постановления ст. 1, титула XI восточноримской «Эклоги» было рецепировано в нормы ст. 1, титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм реализации договора товарищества, характерного для правоприменения в средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь, известное нам постановление «Эклоги» базировалось на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в титуле II книги XVII – «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) «Дигестов Юстиниана» 530 г. (н. э.). Данный договор представлял собой простое соглашение сторон, не требовавшее особых формальных условий. Он по своему содержанию имеет сходство с договором купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограничен определенным сроком.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший был обязан возместить убыток, причиненный его выходом из товарищества. В случае если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в данном предприятии, хотя и лишался права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели или если выяснялась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

В «Эклоге», так же как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело: допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же – свои силы и труд [6, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности, именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которое могло выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т. е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая – кредитора. Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. По своему численному составу они были немногочисленными, два–три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [4, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задара был значительно меньшим, чем в городах Дубровнике и Трогире. В среднем они составляли от 10 до 50 лир. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 % (одну треть) получал кредитор и 66 % – купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда, не вносил в данное предприятие. Для сравнения в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был введен следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получил львиную долю прибыли – 75 %, а купец-

исполнитель только 25 % от доли полученной прибыли. Отличие весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, что сербские купцы-исполнители, в отличие от итальянских, должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение о тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобели и судовладельцы, но и рядовые горожане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Средневековое право Беларуси также знало порядок применения договора товарищества. Наиболее часто данный вид договора находил свое правоприменение в сфере организации торговли. В этой связи уместно отметить, что в средневековом праве Сербии регламентация договора товарищества в основном базировалась на нормах римского права. Регламентация договора товарищества в белорусском средневековом праве в значительной степени базировалась на правовом обычае местного славянского населения. При этом мы не отрицаем и факта влияния римского права. В пользу данного довода свидетельствует анализ источников средневекового права, которые имели широкое правоприменение на территории Беларуси: «Русской Правды» и «Псковской Судной грамоты». Так, статьи 48, 54 и 55 Пространной редакции «Русской Правды», регламентируют деятельность купеческого товарищества: торговлю в складчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставной фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [3, с. 67, 68, 100, 102, 103]. Статья 92 «Псковская Судная грамота» регламентирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процесс его ликвидации [3, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и Беларуси в XII–XV вв. понятие юридического лица уже было доступно для понимания и, более того, определенная часть экономически активного населения изучаемых нами стран принимало непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что данному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники вышеуказанных стран. Например, Византийский «Номоканон» – сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточноримской империи, был основным источником церковного и гражданского права Восточноримской империи, Болгарии и Сербии XI–XII вв., а также являлся вспомогательным источником права ВКЛ и русских княжеств XIV–XVI вв. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовской Кормчей».

В 1219 г. глава сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем святого Саввы, и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчанный, подготовили сербскую отечественную редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчей книгой». Начиная с XIII в., сербская редакция «Кормчей книги» («Номоканона») получила широкую популярность в вопросе правоприменения как источник церковного и светского (гражданского) права в восточнославянских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. Так, в Дечанском списке сербского «Номоканона», который имел хождение на Руси с конца XIII в., установлены фрагменты текстов «Эклоги». Этот факт получил известность благодаря исследованиям российского ученого, доктора исторических наук Я. Н. Щапова в 70-е гг. XX в. [5, с. 132].

Автор данной статьи также выявил и исследовал два списка «Кормчей книги» (Жировицкий и Пинский), которые имели хождение на территории средневековой Беларуси. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохиона» [1, с. 240а–316б; 2, с. 240а–250а, 268а–328б]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Беларуси, так же как и в Сербии, была достаточно известным источником права, поэтому у нас не вызывает удивления тот факт, что нормы римского частного права, содержащиеся в «Эклоге», достаточно часто применялись при практической реализации договора товарищества на территории Беларуси в XII – первой половине XVI в. Об этом свидетельствует письменное распоряжение Великого князя ВКЛ Сигизмунда от 24 января 1509 г. в пользу товарищества брестских собирателей воска, которое гласит следующее: «Чиним знаменито сим н(а)шимъ листом, штож восковничие берестейские Данко и Михел Рябичкович и зъ своими товариши держали коморы Берестейские восковую и соляную два годы без мала почон от Громниц, которое с(вя)то было инъдикта десятого, до Трех Кролевъ, которое св(я)то инъдикта второго-на-десять (2.02.1507 по 6.01.1509 гг.), и положили нам на личбе, иж в тые два годы собрали з восковое коморы тысячу копь и дванадцать копь и пятнадцать гр(о)шей, с тыми воски, што сам Михел вывез за границу осмъсотъ каменей и одиннадцать каменей.

А зъ соляное коморы собрали пятсотъ копь и девятнадцать копь гр(о)шей. А што Михел брал п(е)н(е)зи з восковых и зъ соляных комор, з Луцкое и зъ Берестейское, и зъ Володимерское, и он со всего с того нам личбу выдал сполна. А особъно в Дорогичине Михел взял тридцать копь и пять копь грошей и то намъ на личбе положил. И звышь того остали ещо имъ вини, што выдали на н(а)шы потреби, сорок копь и пять копь без осми гр(о)шей, и они то мають себе vybrати з восковое и соляное коморы Берестейское.

И на то есмо им дали сесь н(а)шь лист з нашою печатю.

П(и)сан у Вилни, ген(варя) 24 день, инъдикт 12» [7, с. 152].

Прочитированный выше документ позволяет сделать вывод, что договор товарищества в средневековой Беларуси трактовался как соглашение, в силу которого каждый из членов товарищества вносил что-либо для достижения определенной цели хозяйственного характера. Вкладом, который вносили члены товарищества, могли быть деньги, вещи, а также труд участников сообщества. Следовательно, уже в те времена бывали случаи, когда одни члены товарищества вносили свое имущество, а другие – свое умение и труд. Все члены товарищества имели право участвовать в распределении прибыли, которое происходило в соответствии с условиями договора. Аналогичным способом происходило и распределение убытков. Таким образом, содержание договора товарищества в средневековой Беларуси и Сербии тождественно. В его основе лежат нормы римского частного права.

Проведенный анализ правового материала свидетельствует о наличии тенденции тяготения договора товарищества в праве исследуемых стран к форме и содержанию консенсуального договора. Он, как и договор товарищества (*societas*) в римском частном праве, являлся консенсуальным двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением участников договора (*socii*) о создании совместного имущества для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности. Члены товарищества были наделены многочисленными взаимными правами и обязанностями.

Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества или определенной его части. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товариществ, не всегда обязаны были быть материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей. Следующей обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Кроме того, обязанностью каждого товарища было предоставлять в распоряжение других *socii* всего дохода сообщества и разделять его согласно договору среди всех членов товарищества, а также разделять бремя убытков товарищества (*communicatio damni*) согласно условиям договора.

Права товарищей в римском частном праве были коррелятивны с их обязанностями: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Иными словами, каждый участник соглашения о товариществе был правомочен заботиться об исполнении договора товарищества, т. е. требовать от всех участников соглашения выполнения обязанностей, отвечающих задачам товарищества: получения дохода и его разделения согласно условию договора.

Литература

1. Библиотека Литовской академии наук – Ф. 19. – Оп. 1. – Ед. хр. 243. – Белорусская Кормчая книга. Жировицкий список. – 1609 г. – 735 с.
2. Библиотека Литовской академии наук. – Ф. 19. – Оп. 1. – Ед. хр. 242. – Белорусская Кормчая книга. Пинский список / Рукопись выполнена священноиноком Н. Козицким. – 1634 г. – 855 с.
3. Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 1 / под общ. ред. д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. – М., 1984. – 432 с.
4. *Фрейденберг, М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII – XV вв. / М. М. Фрейденберг. – Калинин, 1972. – 254 с.
5. *Щапов, Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1978. – 292 с.
6. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. – М., 1965. – 226 с.
7. Lietuvos Metrika. Kn. 8. – Vilnius, 1995. – 708 p.